

Харитоновна Наталья Алексеевна

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КОРОЛЕВСТВА ЮГОСЛАВИЯ ДО УБИЙСТВА КОРОЛЯ АЛЕКСАНДРА В 1934 Г.

В статье определены основные направления внешней политики Королевства Югославия с момента установления диктатуры в 1929 г. и до убийства короля Александра в 1934 г. Основное внимание в работе автор акцентирует на влиянии Италии, Франции, а также нерешенного "хорватского вопроса" на формирование внешнеполитического курса Королевства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-1/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. I. С. 181-187. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 327(4)

В статье определены основные направления внешней политики Королевства Югославия с момента установления диктатуры в 1929 г. и до убийства короля Александра в 1934 г. Основное внимание в работе автор акцентирует на влиянии Италии, Франции, а также нерешенного «хорватского вопроса» на формирование внешнеполитического курса Королевства.

Ключевые слова и фразы: внешняя политика; Королевство Югославия; диктатура короля Александра; интегральный югославизм; французская система безопасности; югославно-французские отношения; югославно-итальянские отношения; усташское движение; «хорватский вопрос»; убийство короля Александра.

Наталья Алексеевна Харитонова

Кафедра мировой политики

Факультет международных отношений

Санкт-Петербургский государственный университет

natalie1987@mail.ru

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КОРОЛЕВСТВА ЮГОСЛАВИЯ ДО УБИЙСТВА КОРОЛЯ АЛЕКСАНДРА В 1934 Г.[©]

Внешнеполитическая обстановка, сложившаяся в рамках Версальской системы международных отношений, а также попытки Лиги Наций сохранить установленный мирными договорами статус-кво, не отвечали требованиям ни побежденной, ни победившей в Первой мировой войне стороны. Франция как самая сильная континентальная держава в Европе и основной гарант сохранения Версальской системы связывает себя договорами с рядом государств на востоке и юго-востоке Европы с целью защитить европейский порядок, а также предотвратить распространение большевизма. Малые державы, среди которых Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (СХС), начинают, таким образом, выступать в роли «санитарного кордона» [16, s. 221]. Приход А. Гитлера к власти в Германии приводит к нарушению установленного равновесия, а различные внутривнутриполитические и внешнеполитические обстоятельства вынуждают малые и, соответственно, зависимые от внешних факторов государства присоединяться к тому или иному лагерю. В данной статье осуществлена попытка проследить, вплоть до убийства короля Александра в 1934 г., эволюцию внешнеполитической активности молодого югославского государства, обремененного нерешенностью внутреннего «хорватского вопроса» и находившегося под влиянием таких крупных держав, как Франция и Италия.

С образованием Королевства СХС в 1918 г. основной целью его внешней политики являлось обеспечение целостности государственных границ. В долгосрочные внешнеполитические планы входило включение молодого государства в новый европейский порядок, а также создание жизнеспособной системы союзов на Балканах, которая бы способствовала поддержанию мира в регионе и защите балканских государств от манипуляций и интервенции со стороны великих держав [8, p. 9]. После Первой мировой войны Югославия оказалась ограничена в выборе потенциальных союзников на европейском континенте. Когда-то бывшая на стороне Сербии и теперь уже советская Россия была поглощена вопросами мировой революции и уже не могла стать союзником для монархического государства. Проигравшая Германия также не подходила на эту роль.

Не отвечала данной позиции и Великобритания, чьи имперские интересы лежали в другой плоскости и чья концепция европейской безопасности, все менее основывавшаяся на принципе баланса сил, не предвещала строгое соблюдение условий мирных договоров, что, несомненно, являлось важным моментом для Королевства. Британская дипломатия активно вмешивалась в политику, проводимую на Балканах, например, при подписании первого и второго Тиранских пактов 1926 и 1927 гг., поставившего Албанию в еще более зависимое положение от Италии, а также югославно-французского пакта о дружбе 1927 г. Британцы чинили препятствия при подписании подобных двусторонних соглашений из-за боязни дальнейшего обострения югославно-итальянских отношений и развития конфликта, который бы мог распространиться на другие государства и нарушить установленное равновесие в Средиземноморье и Юго-Восточной Европе, соответственно, поставив под угрозу британские интересы [3, s. 140]. При этом Великобритания не была против развитой итальянцами деятельности на Балканах, которая, по сути, начала активизироваться после двух встреч Б. Муссолини и О. Чемберлена (в декабре 1925 г. в Рапалло и в сентябре 1926 г. на яхте в Ливорно), когда Италия заручилась поддержкой со стороны британцев [1, с. 146].

Единственным европейским государством, твердо придерживавшимся необходимости сохранения существовавших границ в Юго-Восточной Европе, являлась Франция. Уже на Парижской мирной конференции Югославия попала под перспективу становления сателлитом этого государства, что вызвало неудовольствие британцев по отношению к «французской гегемонии» [19, s. 242]. Итальянская агрессивная политика на Балканах привела к еще более сильному сближению Франции и Королевства СХС, на что Италия ответила

поддержкой хорватских сепаратистов, албанского элемента, а также венгерских и болгарских претензий по отношению к Королевству [1, с. 146].

В сложившейся непростой обстановке молодому государству было необходимо обрести союзников. Так, для противостояния венгерскому ирредентизму и реставрации Габсбургов Югославия, Румыния и Чехословакия образовали Малую Антанту в 1921 г. Велась борьба и с болгарскими территориальными претензиями. При этом Югославия стремилась обрести собственное место в европейской системе безопасности, подписав с Францией уже упоминавшийся выше договор о дружеском взаимопонимании 11 ноября 1927 г. Стоит, однако, подчеркнуть, что Франция не подписала военную конвенцию с Югославией, но сделала это в рамках договоров с Польшей, Чехословакией и Румынией [16, с. 222].

В период между двумя мировыми войнами Югославия входила во французскую систему безопасности в Европе, при этом вся ее внешняя политика зависела от Италии. Еще в 1915 г. последней была обещана часть югославских территории в обмен на участие на стороне Антанты в Первой мировой войне [4, с. XI], однако положения секретного Лондонского пакта выполнены не были. Абсолютная защита от итальянцев и их территориальных претензий у Югославии отсутствовала: в оборонительном арсенале имелась лишь цепочка взаимосвязанных союзов, опора на пакт Бриана-Келлога от 27 августа 1928 г., а также громоздкая машина Лиги Наций, чья непрочность сулила слабую защиту от фашистских сил. Как отмечает югославский исследователь В. Винавер, страх перед Италией был «альфой и омегой каждого внешнеполитического шага белградского правительства» примерно до 1935 г. [19, с. 241]. Таким образом, ориентация на Францию и Италию, чья борьба за сферу влияния на Балканах явилась продолжением австро-русского антагонизма, оказывала решающее влияние на югославскую внешнюю политику в целом.

В начале 1929 г. и международно-политическая ситуация, и внутренние политические обстоятельства стали причинами перехода к открытому абсолютизму в Королевстве СХС. Установлению монархической диктатуры способствовала сложившаяся неразбериха в партийной системе и политическая нестабильность, «чрезмерный» централизм, наличие пяти различных юридических систем в рамках одного государства, несправедливое налогообложение, изменявшееся от региона к региону, нерешенность аграрного вопроса. Кроме того, правительственный аппарат не изменился со времен Балканских войн, однако население страны увеличилось на 8,5 миллионов человек и составило 11,5 миллионов. Соответственно, результатом попыток осуществлять контроль над территорией Королевства из Белграда стал хаос и неуправляемость [15, р. 363-376].

6 января 1929 г. Александр Карагеоргиевич провозгласил монархическую диктатуру. Согласно Декрету от 3 октября того же года, государство стало именоваться Королевством Югославия, что должно было подчеркнуть единство и равноправие всего населения [2, с. 250]. Кроме того, Югославию поделили на девять искусственно созданных бановин, названных по протекавшим там рекам, а 33 ранее существовавших области были упразднены. Основной целью короля при установлении диктатуры явилось нивелирование югославской территории в национальном смысле, создание единой югославской нации с помощью идеологической основы – интегрального югославизма [7, с. 109]. И действительно, «хорватский вопрос», являвшийся основной внутривнутриполитической проблемой молодого государства, не поддавался решению из-за постоянных противоречий между сербскими и хорватскими политическими кругами, поборниками централизма и федерализма, соответственно. Экономическое использование хорватских территорий [5] лишь поддерживало в рядах хорватских политиков стремление к обретению автономии в рамках Королевства.

Зарубежным наблюдателям сразу стало понятно, что внешняя политика Королевства будет иметь сильный пацифистский уклон, поскольку новая власть будет стремиться нормализовать положение внутри страны [18, с. 393]. Уже в июльской печати того же года правительство сообщало, что собирается проводить политику сохранения мира, основанного на соблюдении условий мирных договоров. Планировалось активное сотрудничество в рамках Лиги Наций и Малой Антанты, развитие дружественных и деловых отношений с Грецией, экономическое сотрудничество с Чехословакией и Румынией, а также, в первую очередь, налаживание отношений со всеми граничащими государствами – в этом заключалась «авторитарная и пацифистская» политика министра иностранных дел В. Маринковича [Ibidem].

При установлении диктатуры король Александр пользовался поддержкой со стороны Франции и Чехословакии. В то время, как чехословацкая позиция обуславливалась взаимоотношениями чехов и словаков внутри государства, во Франции, переживавшей годы низкой рождаемости и имевшей малочисленную армию после Первой мировой войны [12, р. 151], существовало убеждение, что централизм и унитаризм способствовали поддержанию военной мощи Югославии, чьи силы могли бы быть использованы для подавления возможных угрожающих миру конфликтов [14, с. 130-131]. В Париже, однако, рассчитывали, что королевское вмешательство будет временным [7, с. 103]. Что же касается Б. Муссолини, то сложившаяся ситуация шла ему на руку: еще в августе 1928 г. итальянский посланник в Королевстве СХС К. Галли констатировал, что введение федеративного устройства привело бы к разрешению внутренних проблем в стране, укрепило ее армию и внешнюю политику [9, с. 298], что не отвечало внешнеполитическим интересам итальянского государства.

Взаимоотношения с Италией представляли собой ключевой вопрос для югославской дипломатии в период диктатуры. Рапальский договор определял государственные границы с этой страной, а Римским пактом от 27 января 1924 г. устанавливались дружественные отношения. Тем не менее, фактическая

обстановка не соответствовала духу дипломатических договоренностей. Двусторонние отношения Рима и Белграда постоянно менялись то в лучшую, то в худшую сторону, а полемизировать не переставали на страницах прессы обоих государств [11, s. 49].

В конце 1928 г. международное положение Королевства СХС некоторым образом улучшилось, хотя все спорные вопросы с Италией еще не были окончательно урегулированы. Заинтересованности в этом не показывало и фашистское правительство Б. Муссолини.

Срок действия итальянско-югославского договора о дружбе и сотрудничестве истекал в январе 1929 г. (с возможностью его продления в течение последнего года действия). 25 января 1928 г. был подписан протокол, в котором устанавливался период для продления договора (до 28 июля 1928 г.). Кроме того, было достигнуто и устное соглашение, по которому предполагалось, что до 28 июля будут разрешены и главные спорные вопросы между Италией и Югославией, а именно: вопреки протестам со стороны общественного мнения будут ратифицированы 32 Неттунские конвенции.

В мае 1928 г. правительством В. Вукичевича было заявлено следующее: «Мы хотим добиться искреннего согласия и дружбы с Итальянским Королевством... Эта дружба не может означать ни капитуляцию, ни отход от принципов, представляющих основу нашей внешней политики». В соответствии с этим 23 мая правительство уполномочило В. Маринковича предоставить Народной Скупшине Неттунские конвенции на одобрение [Ibidem, s. 50].

Объявление данного правительственного решения вызвало возмущение и противление в рядах югославской общественности и в большей части прессы. Крестьянско-демократическая коалиция под руководством С. Радича и С. Прибичевича объявила о самом решительном отпоре ратификации. Выражались сомнения в доброжелательных намерениях итальянцев, поскольку с трудом верилось, что Италия прекратит политику окружения Югославии. В Задаре и Белграде, Любляне, Сплите и Шибенике прошли демонстрации, однако югославские власти не желали обращать внимание на общественные протесты. Противление населения было оправданным, поскольку в большинстве случаев положения конвенций были сформулированы в пользу итальянской стороны. Например, согласно Конвенции о рабочих и труде, итальянцы имели преимущество при трудоустройстве на многие фабрики в Далмации, находившиеся в руках итальянских владельцев. В конвенции о рыболовстве не были учтены интересы югославских рыбаков в Адриатике [Ibidem].

13 августа 1928 г. новое правительство под руководством А. Корошеца, в котором В. Маринкович сохранил свой портфель, ратифицировало Неттунские конвенции. Не помешало этому и то, что Скупщина работала в неполном составе, так как представители Крестьянско-демократической коалиции отказались присутствовать на заседаниях в связи с убийством прямо в ее стенах одного из своих лидеров, С. Радича [Ibidem, s. 51].

На улучшение отношений с Италией данное действие, тем не менее, не повлияло. Спустя неполные двадцать дней после ратификации конвенций, Албания, являвшаяся камнем преткновения в нормализации итало-югославских отношений, была при содействии Муссолини провозглашена королевством, а Ахмед-бег Зогу – королем, и не просто королем Албании, а королем албанцев, включая проживающих в Косове и Метохии. Итальянский лидер на этом не остановился и отказался от продления срока действия итальянско-югославского договора о дружбе и сотрудничестве. Таким образом, в начале 1929 г. договор потерял силу, а в июне того же года Дуче заявил, что продлевать договор о дружбе с Югославией не требуется, поскольку дружбы не существует [Ibidem].

Удивительно, но даже тогда югославский монарх не оставляет идею поиска точек соприкосновения с Римом. При этом нормализовать отношения пытается как министр иностранных дел В. Маринкович, так и лично король Александр.

9 сентября 1930 г. в Женеве состоялся совместный обед итальянского министра иностранных дел Д. Гранди и В. Маринковича. Гранди передал пожелание Муссолини: Югославия должна была определиться со своей внешнеполитической принадлежностью и осуществить выбор между Италией и Францией.

В ходе разговора Маринкович отрицал всякое участие Югославии в оборонительной системе Франции, однако отметил, что Италия вправе настаивать на том, чтобы югославо-французский союз не был направлен против нее. Обсуждалась и Малая Антанта, которая, по мнению итальянцев, находилась на передовой французской оборонительной системы. Парируя, Маринкович заявил, что участие в Малой Антанте позволяет Югославии защищать собственные интересы, и это никак не связано с зависимостью от Франции. Если зависимость и существует, то имеется в виду, скорее всего, зависимость Франции от Малой Антанты, так как у последней имелось два выхода (Франция или приближение к Германии с последующим присоединением Австрии к этому союзу), а у Парижа – один.

Очередная встреча Маринковича и Гранди состоялась 22 января 1931 г. в Женеве. Югославия, по словам Маринковича, не смогла бы сохранить нейтралитет в случае нападения Италии на Францию, однако Италия и Югославия могли бы обязать себя оставаться нейтральными в случае нападения третьей стороны либо на Францию, либо на Югославию. Такое нападение было бы сложно осуществить без участия Италии. Гранди согласился с описанной формулой, но при этом подчеркнул необходимость решения албанского вопроса. Назвав Албанию итальянской Бельгией, министр заметил, что посредством этой страны обеспечивается итальянская безопасность в Адриатике. Для Югославии, однако, Албания являлась в первую очередь балканским, а не адриатическим государством, на что Маринкович не мог не указать [Ibidem, s. 53].

В мае 1931 г. Маринкович еще раз встретился с Гранди на 63-м заседании Совета Лиги Наций. Гранди настаивал на насильственной интервенции Италии в Албанию, что не вызвало одобрения югославского министра.

27 августа 1931 г. на Бледи, перед 12-м заседанием Ассамблеи Лиги Наций, состоялась встреча Маринковича и короля Александра. Монарх вручил главе дипломатического корпуса собственноручно написанные инструкции по албанскому вопросу. В первом пункте отмечалась негативная позиция короля по отношению к возможной итальянской интервенции в Албанию, которая бы представляла собой нападение на жизненные интересы и безопасность Югославии. Совместная интервенция Италии и Югославии в эту страну также обозначена как неприемлемая. От Албании Югославия не ожидает ничего, кроме абсолютной корректности, а также свободного развития торговых и экономических связей между двумя государствами; за Италией признаются все приобретенные торговые и финансовые права, Югославия поддерживает взаимное сотрудничество и реализацию общих интересов [Ibidem, s. 54].

На заседании Совета Лиги Наций, начавшемся 1 сентября 1931 г., Гранди и Маринкович встретились вновь, однако не обменялись и парой обычных фраз. 10 апреля 1932 г. Маринкович вернулся в Женеву и хотел организовать встречу с итальянским министром, однако тот был на пути в Рим. «Ничего нельзя поделаться с Муссолини, – заявил Маринкович, узнав об этом. – Гранди – уважаемый человек, но без достаточного авторитета». 3 июля 1932 г. Маринкович лишился поста главы правительства и министра иностранных дел, а Гранди подал в отставку 20 июля того же года [Ibidem, s. 55]. Таким образом, правительство под руководством Воислава Маринковича, в течение короткого срока находившееся у власти (с 4 апреля до 2 июля 1932 г.), показало свою полную неспособность решать как внутривнутриполитические проблемы, так и деликатные вопросы международного характера [6, s. 53].

Начиная с 1930 г., король Александр вел тайные переговоры с Римом через итальянского посредника Г. М. Каппи и беспрестанно подчеркивал необходимость достижения компромисса и установления дружественных отношений с Римом. Югославский монарх не был против встречи с Муссолини, которого, как казалось Александру, плохо информировали [11, s. 55-56].

Король был уверен в том, что именно Албания являлась камнем преткновения в урегулировании отношений с Италией. Он считал, что югославская позиция по албанскому вопросу должна была быть ясной и твердой: Албанию нельзя сравнивать ни с Бельгией, ни с какой бы то ни было другой страной; она является исключительно балканским государством. Не следовало допускать, чтобы Италия лишила ее независимости и суверенитета, ибо это противоречило как югославским, так и албанским интересам [Ibidem, s. 53-54]. Александр и его военные никаким образом не могли согласиться, чтобы Албания стала своего рода мостом для выхода итальянцев на Балканы [Ibidem, s. 61].

По словам Александра, начиная с 1920-1921 гг., Франция осуществляла попытки заставить его подписать договор о союзе, однако король упорно отказывался из-за желания установить дружественные отношения с Италией. Тем не менее, после подписания Тиранского пакта монарх тут же отдал распоряжение заключить договор с Францией. Второй тиранский пакт способствовал усилению связей с ней: с тех пор Югославия должна была придерживаться французского внешнеполитического курса [Ibidem, s. 55].

Разговаривая с Каппи о внешней политике своей страны, Александр настаивал на отсутствии у Югославии агрессивных намерений и стремлений к экспансионизму. Назвав политику государства локальной по своей природе, монарх ограничил интересы Королевства рамками Центральной Европы. Италия же, по его мнению, будучи великой державой, должна была вести политику мирового масштаба и проявлять участие в решении азиатских, африканских и других вопросов [Ibidem, s. 57].

Некоторое время король Александр и Муссолини обсуждали проект двустороннего соглашения через посредничество Каппи, однако Муссолини не уступал в отношении Албании. В итоге текст договора не был составлен, а до встречи двух лидеров так и не дошло. Казалось, Муссолини не желал ни компромисса, ни соглашения с югославским монархом, но был занят идеей организации восстания в Хорватии, положением в которой он особенно интересовался. Дуче уделял большое внимание событиям в Югославии: на многих важных документах итальянского Министерства иностранных дел, затрагивающих события в Королевстве, стоит его виза. По сути, Муссолини жаждал распада югославского государства и верил в него. С целью выхода на Балканы и в дунайские земли им были задействованы все особенности внешнеполитической обстановки того времени, включая венгерский и болгарский ревизионизм, албанские притязания на Косово и Метохию, а также хорватский сепаратизм [Ibidem, s. 60-61].

Усташское движение в Хорватии возникает с установлением диктатуры: хорватские сепаратистские элементы под защитой и с помощью извне начали формирование своих отрядов, а также занялись подготовкой террористических акций, стремясь привлечь внимание мировой общественности на «хорватский вопрос»¹. Фашистское правительство Муссолини поддерживало деятельность, которую развил бывший югославский политик А. Павелич, сводя разношерстных эмигрантов из своей страны в итальянские и венгерские лагеря [6, s. 58-59]. Во второй половине 1931 г. Павелич основал первый усташский лагерь в итальянском горном местечке Бовеньо. Вначале там находилось около десяти-пятнадцати человек, позднее число увеличилось примерно до сорока. Руководство лагеря, а также типография для выпуска листка «Усташа» располагались в центре округа Брешиа, куда из Вероны переселился и сам Павелич. Здесь были приняты

¹ Стоит отметить, что зарубежные миссии представителей Хорватской Крестьянской Партии особым успехом не увенчались.

первые организационные решения Усташской хорватской революционной организации (УХРО), первые военные предписания, а в самом лагере сразу же началось военное обучение. С целью увеличения более чем скромного числа членов лагеря, была проведена специальная акция, в рамках которой приверженцы Павелича вербовали будущих усташей в Бельгии и Южной Америке [10, s. 83-84].

Э. Конти, генеральный инспектор итальянской полиции, ответственный за поддержание связи с Павеличем и надзор над ним, датирует 1932 г. формальное разрешение итальянских властей на организацию Павеличем военного лагеря на территории Италии. Это решение, вероятнее всего, связано с организацией отдела «Хорватия» в рамках министерства иностранных дел в Риме, который был доверен дипломатическому сотруднику по имени П. Кортезе, специалисту по балканским вопросам, работавшему в Албании с 1926 по 1928 гг. [Ibidem, s. 84].

Приход к власти правительства М. Сршкича в июле 1932 г. означал обострение существовавшего курса и ухудшение положения несогласных с политикой короля. С введением режима диктатуры Сршкич, ранее считавшийся приверженцем великосербского радикализма и противником югославской национальной идеи, становится решительным поборником унитаризма и централизма. Проводятся острые репрессивные меры против хорватских федералистов с целью сдержать или по возможности полностью заглушить оппозицию в отношении официальной точки зрения, касающейся решения национального вопроса. Несмотря на сложившуюся обстановку, деятельность оппозиционных элементов активизировалась [6, s. 56].

Так, в ночь с 6 на 7 сентября 1932 г. из города Задар, находившегося под итальянской юрисдикцией, направлены вооруженные усташские агенты, которые подбросили взрывное устройство к расположенному вблизи города Госпич (Лика) жандармскому участку. Осуществленная политическая демонстрация позволила полицейским органам развернуть настоящие антитеррористические гонения против многих жителей Лики и других районов Хорватии. Итальянские власти, направляя в Югославию нескольких усташей, ожидали, что по стране пройдет политический террор, который затронет как можно более широкие слои населения и, соответственно, усилит протесты против режима в Королевстве [Ibidem, s. 58-59].

В ряде мер, предпринятых правительством Сршкича, особое внимание общественности было приковано к судебному процессу против лидера Хорватской Крестьянской Партии (ХКП) В. Мачека, которого арестовали 31 января 1933 г. как лицо, первым подписавшее [13, s. 181] загребские «Пунктации»¹. В. Мачек был осужден 29 апреля 1933 г. по статье 3 Закона о защите государства на три года строгого режима. Данный приговор также способствовал усилению антиправительственной деятельности: арест главы ХКП стал использоваться оппозицией, включая хорватские сепаратистские элементы, в качестве доказательства того, что власти угнетают хорватское население при каждом возможном случае [6, s. 59].

Приход нацистов к власти в Германии в 1933 г. привел к радикальным изменениям в международных отношениях на континенте. Начало 1934 г. ознаменовалось крупномасштабной дипломатической борьбой Германии за Подунавье, откуда Гитлер стремился вытеснить Италию и Францию. Итальянский и французский блоки, образованные против Германии, были впоследствии ликвидированы Гитлером, сумевшим установить свое доминирование в регионе [16, s. 223].

Летом 1934 г. глава французского дипломатического корпуса Л. Барту отправился с визитами по европейским столицам (Варшава – Прага – Бухарест – Белград). В планы министра входило заключение соглашения наподобие «восточного Локарно», пакта, который бы препятствовал расширению национал-социалистической Германии.

Король Александр считал необходимым поддерживать по возможности дружественные отношения с Германией. Франции при этом следовало, по его мнению, договориться с Германией и наконец-то решить вопрос мира в Европе [11, s. 67]. Позиция короля в отношении Германии не удовлетворяла французского политика, и он надеялся продолжить переговоры уже в своей стране.

Франция стремилась воспрепятствовать налаживанию отношений между Италией и Германией и, соответственно, содействовала достижению примирения между Белградом и Римом, однако в Югославии не без оснований опасались, что счет за него придется платить именно ей. «Мы многим обязаны французам, – записал слова Александра перед отбытием в Марсель в 1934 г. скульптор Иван Мештрович, – но мы не представляем собой их Марокко и не хотим им быть, мы также не являемся средством для реализации их комбинаций. Об этом я ясно заявил Барту, когда он уезжал» [4, s. XII].

Еще в 1932 г. Александр продлил договор о дружбе с Францией на пять лет. Однако в секретном дополнении к нему предусматривались лишь консультации Генеральных штабов в случае войны, о всесторонней военной помощи не было и речи. Нацистские дипломаты не успели добраться до аутентичного

¹ Резолюция, принятая Крестьянско-демократической коалицией 7 ноября 1932 года в Загребе. На следующий день опубликована под названием «Пунктации Крестьянско-демократической коалиции». Изначально положения документа предназначались для членов коалиции в качестве директивы при работе с избирателями, однако в связи с публикацией в прессе пунктации стали частью политической программы гражданской оппозиции. Для политического манифеста характерно осуждение централистской политики абсолютизма и клеймение клики-гегемона, находящейся у власти. Подчеркивается необходимость отхода от официального национально-унитарного принципа и введения принципа югославской многонациональности, а также указывается общность жизненных интересов народов Югославии. В связи с этим предлагается федералистская реорганизация Королевства [6, s. 56-57].

текста документа, а потому существовало убеждение, что военное сотрудничество и союз Югославии и Франции в будущей войне являлись решенным вопросом [Ibidem].

Муссолини напряженно наблюдал за внешнеполитической активностью короля Александра. На встрече со своими приверженцами, состоявшейся 1 сентября 1934 г., Дуче констатировал, что соглашению с Югославией мешает единственный психологический фактор – личность монарха. Посланник Италии в Белграде К. Галли определил внешнюю политику Югославии как колеблющуюся и подчеркнул, что страна опасается как Германии, так и Италии [16, s. 223].

Ответный визит югославского короля во Францию был запланирован на осень 1934 г. До переговоров, однако, дело не дошло, так как оба политика были убиты 9 октября 1934 г. в Марселе. Убийство было организовано усташскими элементами, а следы вели в Рим, Берлин и Будапешт [17, s. 108]. По сути, ликвидация югославского монарха стала одним из кульминационных моментов антиправительственной деятельности усташской организации.

После убийства короля Александра отношения между Югославией и Италией ухудшились, поскольку на территории последней (а также в Болгарии и Венгрии) велась подготовка сепаратистских элементов для осуществления диверсий и совершения других преступлений в Королевстве. В тот же период «близкие отношения» Франции и Италии усилили недоверие Белграда к Парижу. Югославы были уверены в том, что Франция смогла бы пренебречь интересами Югославии, чтобы заручиться поддержкой Италии в борьбе против Гитлера [16, s. 223]. И действительно, убийство короля представляет собой переходное событие, после которого веса внешнеполитических предпочтений Югославии склонились в сторону Германии.

Таким образом, с момента своего образования Королевство СХС (далее – Королевство Югославия), за неимением выбора, стало частью системы, образованной Францией для сохранения статус-кво, установленного Парижским мирным договором, и играло роль границы, защищавшей Запад от дальнейшего распространения большевистских идей. Кроме того, Франция стремилась сохранить молодое государство в своем внешнеполитическом арсенале с целью использования югославской армии в возможных военных конфликтах. Итальянское государство представляет собой второй фактор, оказывавший исключительное воздействие на политику Королевства в период диктатуры короля Александра. Несмотря на все попытки монарха, нормализация отношений с Италией не удалась в связи с территориальными амбициями этой страны, распространявшимися на хорватские территории. В связи с нерешенностью основной внутривнутриполитической проблемы – «хорватского вопроса» – данный момент непосредственно способствовал усилению национального сепаратизма, затронувшего Королевство и достигшего апогея при убийстве короля Александра, которое было организовано усташами, пользовавшимися поддержкой извне. Недоверие, вызванное данным преступлением, явилось одним из факторов, способствовавших внешнеполитической переориентации Королевства в сторону нацистской Германии.

Список литературы

1. Илић-Косановић Т. Британска штампа о југословенско-италијанским односима 1929-1931 године // Часопис Архива Србије и Црне Горе. 2003. Бр. 1-2. С. 145-158.
2. Фрејдзон В. И. Историја Хорватије: краткиј очерк с древњих времена до образовања републике (1991 г.). СПб.: Алетејя, 2001. 318 с.
3. Avramovski Ž. Stav britanske diplomatije prema sklapanju Balkanskog sporazuma (1933-1934) // Radovi Instituta za hrvatsku povijest Sveučilišta u Zagrebu. 1983. Vol. 16. S. 139-182.
4. Biber D. Predgovor // Stojadinović M. Ni rat ni pakt. Jugoslavija između dva rata. Rijeka: Otokar Keršovani, 1970. S. VII-XXXV.
5. Bičanić R. Ekonomska podloga hrvatskog pitanja. Zagreb: Dom i svijet; Ekonomski fakultet Sveučilišta, 2004. 252 s.
6. Čulinović F. Jugoslavija između dva rata. Zagreb, 1961. II. 340 s.
7. Goldstein I. Hrvatska 1918-2008. Zagreb: EuropaPress Holding; Novi Liber, 2008.
8. Hoptner J. B. Yugoslavia in Crisis 1934-1941. New York and London: Columbia University Press, 1963. 328 p.
9. Kovač M. Francuska i hrvatsko pitanje: 1914-1929 / Miro Kovač. Zagreb: Dom i svijet, 2005. 363 s.
10. Krizman B. Ante Pavelić i ustaše. Zagreb: Globus, 1986. 606 s.
11. Krizman B. Vanjska politika jugoslavenske države 1918-1941. Diplomatsko-historijski pregled. Zagreb: Školska knjiga, 1975. 199 s.
12. Marks S. The Illusion of Peace. International Relations in Europe. 1918-1933. Second Edition. Hampshire and New York: Palgrave Macmillan, 2003. 214 p.
13. Matković H. Povijest Jugoslavije: 1918-1991-2003. 2. dopunjeno izd. Zagreb: Naklada Pavčić, 2003. 441 s.
14. Pribičević S. Diktatura kralja Aleksandra / Svetozar Pribičević; preveli Dražen Budiša et al. Zagreb: Globus, 1990. 306 s.
15. Seton-Watson R. W. The Background of the Yugoslav Dictatorship [Электронный ресурс] // The Slavonic and East European Review. 1931. Vol. 10. № 29. P. 363-376. URL: <http://www.jstor.org/stable/4202674> (дата обращения: 27.03.2010).
16. Terzić V. Slom Kraljevine Jugoslavije 1941. Uzroci i posledice poraza. Beograd: Narodna knjiga; Ljubljana – Beograd: Partizanska knjiga; Titograd: Pobjeda, 1982. 601 s.
17. Vanku M. Mala Antanta 1920-1938. Titovo Užice, 1969. 398 s.
18. Vinaver V. Jugoslavija i Madarska: 1918-1933. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1971. 574 s.
19. Vinaver V. Jugoslawien und die Türkei (1918-1934) [Электронный ресурс] // Tarih Araştırmaları Dergisi. 1967. Vol. 5 (8-9). S. 241-286. URL: <http://dergiler.ankara.edu.tr/dergiler/18/818/10384.pdf> (дата обращения: 11.04.2011).

FOREIGN POLICY OF YUGOSLAVIA KINGDOM BEFORE KING ALEXANDER'S MURDER IN 1934**Natal'ya Alekseevna Kharitonova***Department of World Politics
Faculty of International Relations
St. Petersburg State University
natalie1987@mail.ru*

The author determines the basic directions of Yugoslavia Kingdom's foreign policy from the moment of dictatorship establishment in 1929 till king Alexander's murder in 1934 and pays special attention to Italy and France influence and unsolved "Croatian question" on the formation of the foreign policy course of the Kingdom.

Key words and phrases: foreign policy; Yugoslavia Kingdom; king Alexander's dictatorship; integral Yugoslavism; French security system; Yugoslavian-French relations; Yugoslavian-Italian relations; Ustaša Movement; "Croatian question"; king Alexander's murder.

УДК 94(470)“1894/1917”

В статье показаны особенности тактики меньшевиков и большевиков, сформировавшиеся на основе кризисных отношений в РСДРП под влиянием политических событий 1903-1909 годов. Из их сопоставления видна разнородность стремлений данных отрядов российской социал-демократии, что с неизбежностью предопределяло окончательный раскол партии. Меньшевики были готовы сотрудничать с другими революционными и оппозиционными партиями, тогда как большевики стремились к единоличной победе.

Ключевые слова и фразы: меньшевики; большевики; эсеры; II Государственная дума; гегемония пролетариата; В. И. Ленин; Ф. И. Дан.

Сергей Владимирович Холяев, к.и.н.

*Кафедра новейшей отечественной истории
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
holyaevsv@ystu.ru*

РАЗЛИЧИЯ В ТАКТИКЕ МЕНЬШЕВИКОВ И БОЛЬШЕВИКОВ[©]

В спектре российских партий начала XX века заметное место занимала Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП). Объединенная РСДРП, численность которой в 1906 году доходила до 144 тыс. человек [5, с. 272], могла бы представлять серьезную силу, с которой обязаны были бы считаться все остальные политические силы. Однако положение партии кардинально ослабили раскол в ее рядах, произошедший на II съезде в 1903 году, и вражда, разделившая партию на две наиболее крупные части российской социал-демократии – меньшевиков и большевиков [15, д. 109, л. 30]. В этих условиях обе протопартии стремились разработать тактический курс таким способом, чтобы овладеть большинством партийных учреждений, навязав остальной партии свою волю, что неминуемо усиливало конфликтную среду в партии, но одновременно хотели усилить влияние партии в целом на общеполитические процессы. Данная статья рассматривает вопрос о том, каким образом пытались меньшевики и большевики укрепить общее влияние партии в ходе обострившегося политического противостояния в начале прошлого века. Объектом ее изучения стали события 1903-1909 годов, с момента раскола партии до некоторой стабилизации положения в ней, временно наметившейся в 1909 году, хотя все же основными в статье являются 1905-1907 годы, то есть период первого революционного кризиса.

Формально входя многие годы в одну партию, меньшевики и большевики самостоятельно выстраивали свою линию взаимоотношений с другими политическими силами, как близкими к ним, то есть с социалистами, так и с более отдаленными – либералами. Каким же образом хотели меньшевики и большевики достигнуть своих целей? Как они относились к той политической борьбе, которая разворачивалась в России?

Меньшевики считали, что партии, прежде всего, не нужно форсировать революцию и, значит, надо уметь отстаивать не только политические, но и экономические интересы рабочих: развивать их самостоятельность, широко использовать легальные формы борьбы за улучшение положения народных масс [9, с. 96-97].

Меньшевики выступали за сотрудничество с буржуазией, всяческую поддержку ее оппозиционных действий [14, с. 150], соглашаясь, в целом, с концепцией радикальных либералов (кадетов), что в России существует не три лагеря, а два: власть и широкий оппозиционный блок от кадетов до социал-демократов [16, д. 346, л. 5]. Поскольку рабочие в России составляли меньшинство населения, наиболее безболезненный путь для страны они видели в свержении самодержавия, достигнутом рабочими в союзе с буржуазией.

[©] Холяев С. В., 2011